

Лексические особенности языка калмыцких сказок

Сказка – сокровищница «живой» калмыцкой речи. Она богата исторически утвердившимися выразительно-образными средствами, свидетельствующими о культурной специфике речи и национальной самобытности языка калмыцкого фольклора. Сказочный материал, разнообразный по своему содержанию и художественной форме, свидетельствует о богатстве поэтической фантазии и словесного искусства народа. Поэтому исследование специфики языка сказок, в котором сохранились древние пласты калмыцкой лексики, является актуальной задачей калмыцкой фольклористики.

Сказка как явление духовной культуры калмыков содержит различные тематические группы лексики, которые, в свою очередь, дают обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тесные контакты с ойратами, калмыками. Мы выделяем следующие тематические группы: 1) общественно-политические (административные, юридические) термины: нойн «князь», нутг «владение», зэрлг «указ», хан «царь» и т.д.; 2) соматические термины (названия частей тела человека): толһа «голова», маңна «лоб», күзүн «шея», бөөр «почка», элкн «печень», үсн «волосы» и т.д.; 3) термины родства: өвгн «дед», көвүн «сын», күүкн «дочь», ах-дү «братья», эгч «сестра», гергн «жена», залу «муж», күргн «зять», бер «сноха» и т.д.; 4) военные термины: дөн «война», церг «войско», саадг «колчан», түмн «10 тысяч» и т.д.; 5) бытовые термины (названия пищи, жилища и домашней утвари, одежды и головных уборов): цө «чай», хуйр «лепёшка», хувцн «одежда», киилг «рубашка», гер «кибитка», үүдн «дверь», терм «решётка» и т.д.; 6) названия растений: шарлжн «полынь», уласн «тополь» и т.д.; 7) названия животных и птиц: туула «заяц», арат «лисица», чон «волк», ноха «собака», харада «ласточка», темән «верблюд», мөрн «лошадь», дааһн «жеребёнок» и т.д.; 8) названия небесных светил и природных явлений: нарн «солнце», сар «луна», салькн «ветер», шуурһн «метель» и т.д.

Известный ученый академик Б.Я. Владимирцов считал, что лексические сходства между монгольскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками есть результат генетического родства этих языков. В лексической системе монгольских языков большая роль отводится и различным заимствованиям из других языков. Как отмечает В.И. Рассадин, лексические системы современных монгольских языков в отношении распределенности слов по языкам состоят из нескольких пластов. Во-первых, это «пласт общемонгольских слов». Во-вторых, «пласт специфической лексики, которая присуща только этому языку». В-третьих, «заимствования в составе пластов специфической лексики современных монгольских языков и их диалектов»¹.

Наиболее интересными в плане изучения лексики калмыцких сказок представляются два последних пласта, т. е. собственно калмыцкие слова и заимствования, используемые в системе поэтических средств сказки. Так, сказка «Алтан ергэчиху хаани нутгийн Мөңгөн ергэчиху гидег өбөгөн» («Старик Серебром Изобилующий, живущий в стране хана Золотом Изобилующего»), опубликованная на ойратской письменности известным ученым А.М. Позднеевым в «Записках восточного отделения И.А. русского археологического общества» (III том, 4 выпуск, 1889 года), в первую очередь, интересна своей сюжетной композицией, богатством и красочностью калмыцкого языка (в других версиях эта сказка известна как «Манжин зэрлг»). Поэтому данная статья основывается на анализе языка названной сказки.

По своему составу лексика языка сказок представляет собой сложную систему, состоящую из классов слов, различающихся по значению и происхождению, стилистической окрашенности и сфере употребления. Большой блок составляют заимствования: тибетизмы, санскритизмы, арабизмы, китаизмы, уйгуризмы, русизмы. Время проникновения в калмыцкий язык тех или иных заимствований установить довольно трудно.

С распространением буддизма среди калмыков в языке сказок стали появляться тибетские и санскритские заимствования.

Старый архаический осто́в сказки был дополнен новыми религиозными мотивами, которые, гармонично переплетаясь, образовали новый интересный сюжет. В соответствии с этим

процессом основной лексический пласт языка сказки был обогащен новыми словами-заимствованиями: замбтиб – вселенная (джамбудвипа – древнее название Индии); гелң (тиб. дгэ-слонг) – буддийский монах, принявший 253 обета; геңл (тиб. дгэ-цхул) – буддийский монах, давший клятву верности трем драгоценностям и принявший 36 обетов; хадаг (тиб. кхаб-тагс) – дарственный платок; манж (тиб. ман-ча – чай для лам) – ученик веры.

В тексте есть очень интересное заимствование, сохранившее свою первоначальную письменную форму, которая отлична от устной (письм. тиб. бла-ма, устн. тиб. – лама), хотя калмыками была заимствована устная форма. Лама (тиб. бла-ма – тибетский монах) – у калмыков это самый высокий сан духовного лица.

Процессы адаптации заимствований характеризуются степенью их усвоения заимствующим языком. На первом этапе заимствования осознаются и воспринимаются как «чуждые вкрапления» для данного языка; на втором – расцениваются как более допустимые к употреблению, но все же инородные аномальные слова; и на последнем этапе – это уже освоенные, ставшие употребимыми и воспринимаемыми слова, инородность их доказать сложнее.

Заимствованные тибетизмы, выявленные в сказке с учетом выполняемых функций в лексической системе калмыцкого языка, представляют собой номинации, не имеющие калмыцких аналогов, хотя санскритское заимствование «джамбудвипа» в калмыцком языке имеет более или менее точный синоним «орчлң».

Многие санскрито-тибетские заимствования со временем сократили сферу своего употребления и полностью исчезли, некоторые с возрождением религии вновь активно употребляются и в литературном и в устном языке.

В сказке также встречается другая религиозная терминология, имеющая общетюрко-монгольское происхождение: хуврг буддийская община; суврһн – ступа; сүм – храм, церковь; бәрц бәрх – сделать подношение духовному лицу (деньгами, натурой, скотом); тәкл өргх – преподнести жертву (дары); һал тәхх – совершать жертвоприношение огню; зальврх – молиться; өглг өгх – подать милостыню; дееж өргх – преподнести почетное угощение.

Таким образом, изучая лексические заимствования в языке калмыцких сказок, мы получаем картину заимствования культурных ценностей от других народов в силу их исторических взаимосвязей и влияния.

В исследованиях язык сказок выступает как барометр общественной жизни, который постоянно находится в динамике, и наиболее ярким свидетельством его развития является способность обогащаться все новыми единицами словарного состава.

Конечно же, сказка – результат коллективного творчества многих мастеров устной словесности, вложивших свое индивидуальное мастерство в осмысление окружающего мира. Сказка и есть сама жизнь – это и история, и верования, обычаи, менталитет нации, социальные взаимоотношения, т. е. мир, окружающий человека.

¹ Рассадин В.И. О роли заимствований в складывании пластов специфической лексики в монгольских языках // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. М., 1984. С. 111